

Кинельм Ефимович Ям

ТРУДЫ ВОЛЬНЕЯ В РОССИИ

Французский ежегодник 1969

М.: Наука. 1971. С.5-22

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В творчестве Константина-Франсуа Вольнея (1757—1820) нашла яркое выражение открытая критика религии и церкви с позиций материализма XVIII в.

В работе «Святое семейство» Карл Маркс писал: «О Вольнее, Дюнои, Дидро и других, а равно и физиократах нам нет надобности говорить после того, как мы, с одной стороны, выяснили двойное происхождение французского материализма от физики Декарта и английского материализма, а с другой стороны — установили противоположность французского материализма метафизике XVII в., метафизике Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница»¹.

В творчестве Вольнея нет трудов, посвященных чисто философским вопросам. Уже его учитель Гельвеций считал, что разработка проблем теории познания должна быть тесно связана с политикой, этикой и служить прогрессу человеческого общества².

Вольней видел смысл своей деятельности в создании атеистического учения на базе французского просвещения и французского материализма XVIII в. Решая эту задачу, Вольней сделал плодотворную попытку распространить философские принципы французского материализма на изучение общественной жизни, истории, морали, политики, языка, а также связать происхождение религии с условиями материальной жизни людей.

В 1787 г. в социологическом исследовании «Путешествие в Египет и Сирию» («Voyage en Egypte et en Syrie») Вольней применил принципы материалистического сенсуализма XVIII в. к изучению экономического и политического положения турецкой феодальной империи накануне Французской революции 1789—1794 гг.

Пытаясь разобраться в причинах экономического и политического рабства народов Средиземноморского Востока, Вольней критикует представителя географического детерминизма в социологии Шарля Монтескье, утверждавшего, что определяющим фактором развития общества является климат. Важнейшую причину упадка и разорения сельского хозяйства Египта и Сирии Вольней видит в сложившихся на Востоке феодальных экономических отношениях, которые поддерживаются деспотической формой правления, властью религии и церкви.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 145.

² Х. Н. Момджян. Философия Гельвеция. М., 1955, стр. 127—128.

Критика рационалистических предрассудков Монтескье, отказ от дедуцирования при познании истории, более глубокое проникновение в историческую действительность явились важным шагом на пути к выработке критического взгляда на буржуазную социологию XVIII в., нарисовавшую идеальную картину буржуазного общества.

В 1791 г. в атеистическом памфлете «Руины, или Размышления о революциях империй» («Les Ruines, ou Méditations sur les révolutions des Empires») Вольней обосновывал тезис Шарля-Франсуа Дюпюи (1742—1809) о неисторичности образа Иисуса Христа. Потребовав освобождения человечества от власти религии и духовенства, Вольней вслед за Бейлем (1647—1706) возвестил появление атеистического общества, убедительно показав, что религия является смертельным врагом человечества. Беспощадная критика религии и церкви, яркая пропаганда материалистического мировоззрения сделали «Руины» подлинным философским завещанием XVIII в.

Философские и атеистические идеи Вольнея быстро распространились в Западной Европе, Америке и России.

Среди мыслителей, испытавших влияние Вольнея, необходимо назвать имена Гракха Бабефа³ и Сильвена Марешала⁴. В 1791 г. Георг Форстер⁵ впервые перевел «Руины» на немецкий язык, а в 1802 г. в Париже был опубликован перевод «Руин» на английский язык, тайно выполненный президентом США Томасом Джефферсоном в содружестве с поэтом Д. Барло⁶. В XIX в. влияние Вольнея испытали американские просветители Роберт Дейл Оуэн и Авраам Линкольн⁷, английский поэт и атеист Перси Биши Шелли⁸, рабочие легионы испанского города Барселоны⁹. Во Франции большое внимание Вольнею уделяли Жан-Жак Пийо¹⁰ и Сен-Симон¹¹, в Аргентине — Доминго Фаустино Сармиенто¹², на Кубе — Хосе Марти¹³.

Все это позволяет утверждать, что Вольней принадлежал к тому направлению французского материализма, которое «вливается непосредственно в социализм и коммунизм»¹⁴.

Буржуазные историки, за исключением Ф. Маутнера¹⁵ и А. Дрекса¹⁶, обходят молчанием атеистическое наследие Вольнея или отрицают его научную ценность. Это обстоятельство приводит к тому, что от внимания исследователей ускользает распространение трудов Вольнея в странах, где особым успехом пользовались его атеистические идеи, прежде всего — в России. Между тем Вольней был известен в России уже во второй половине XVIII в.

Русско-турецкие войны 1768—1774 и 1787—1791 гг. вызвали в русском обществе интерес к странам Востока. Известно, что о создании «Академии или общества восточных наук и языков империи Российской» мечтал

³ В. М. Далин. Гракх Бабеф накануне и во время Великой Французской революции 1785—1794 гг. М., 1963, стр. 289, 290, 562—564.

⁴ С. Маршалль. Избранные атеистические произведения. М., 1958, стр. 226, 236, 237, 343, 344.

⁵ Ю. Я. Мошковская. Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961, стр. 95, 110.

⁶ Н. М. Гольдберг. Свободомыслие и атеизм в США. М.—Л., 1965, стр. 82—84, 87.

⁷ Там же, стр. 223, 227.

⁸ J. Gaulmier. L'idéologie Volney. 1757—1820. Beyrouth, 1951, p. 238. См. также: М. Шелли. Франкенштейн. М., 1965, стр. 135, 136.

⁹ Стендаль. Собр. соч., т. XIII. М.—Л., 1950, стр. 446.

¹⁰ В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 314, 316.

¹¹ «Изложение учения Сен-Симона». М., стр. 358, 532.

¹² Domingo F. Sarmiento. Facundo. Paris, 1934, p. 35.

¹³ «Прогрессивные мыслители Латинской Америки» (XIX—начало XX в.). М., 1965, стр. 213.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 145.

¹⁵ Ф. Маутнер. Атеизм в эпоху Великой Французской революции. Л.—М., 1924.

¹⁶ А. Дрекс. Отрицание историчности Иисуса Христа в прошлом и настоящем. 1930.

М. В. Ломоносов. В его черновых планах и проектах стоит «ориентальная Академия»¹⁷. Однако в Московском университете, открывшемся в 1755 г., преподавание восточных языков введено не было, несмотря на то, что проект устава такую возможность предусматривал¹⁸.

Первые попытки реализовать планы организации преподавания восточных языков, выдвинутые М. В. Ломоносовым, были сделаны в открытой в 1759 г. Казанской гимназии¹⁹. В этот период преподавание восточных языков было вызвано необходимостью подготовить переводчиков. Для оказания им практической помощи в апреле 1785 г. Екатерина II поручает П. С. Палласу (1741—1811) начать работу над составлением «Сравнительного словаря всех языков и наречий»²⁰.

Общеизвестен интерес Екатерины II к филологическим занятиям. Изучение русского языка приводит ее к постоянным сравнениям русских слов и форм со словами и формами немецкого и французского языков. В 1784 г. Екатерина приступает к собиранию материалов для составления общесравнительного глоссария²¹. Вскоре она знакомится с сочинением французского историка и философа Кур де Жебелена (1725—1784) «*Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne*», в котором выдающийся исследователь древности сделал попытку изучить механизм речи и филиацию языков, а также исследовать проблему первобытного языка и его этимологию. 9 сентября 1784 г. в письме Гримму Екатерина восторженно отзываясь о первых трех томах «*Monde primitif*»²². «Особенно заинтересовала Екатерину II смелая мысль Кур де Жебелена, что все языки могут быть выводимы из одного коренного. Ей показались славянскими многие слова, которые автор выдавал за кельтские, и она предполагала во многих случаях связь с языками и наречиями, употребительными в Русской империи и отчасти только в ней; а здесь, думалось императрице, можно отыскать значительное число асех языков, употребительных на земном шаре...»²³.

9 мая 1785 г. Екатерина пишет доктору Циммерману, что она беседовала с Палласом об издании своих филологических опытов²⁴, а 22 мая 1785 г. Паллас публикует объявление о начале работы над сравнительным словарем²⁵.

Однако идея создания словаря не принадлежала Екатерине II. В 1773 г. инспектор академической гимназии Л. И. Бакмейстер (1730—1806) «задумал произвести сравнение всех языков мира»²⁶. С этой целью он рассылает 600 экземпляров брошюр-анкет²⁷ в различные страны, приложив к каждой примерный образец перевода на латинский, французский, немецкий, русский, шведский, финский и арабский языки. Л. И. Бакмейстер получил около 100 ответов, среди которых был перевод на арабском языке, присланный из Константинополя²⁸.

¹⁷ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— В кн.: «Избр. соч.», т. V. М.—Л., 1958, стр. 37.

¹⁸ А. А. Стариков. Восточная филология в Московском университете.— В сб.: «Очерки по истории русского востоковедения», т. III. М., 1960, стр. 147—165.

¹⁹ М. Г. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, стр. 128.

²⁰ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911, стр. 201—202.

²¹ Я. К. Грот. Филологические занятия Екатерины II.— В кн.: «Труды», т. IV, СПб., 1901, т. IV, стр. 291—292.

²² «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 23. СПб., 1878, стр. 318.

²³ Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 294.

²⁴ Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 292. См. также: А. В. Старчевский. Великая мысль Екатерины II.— В кн.: «Исторический вестник», т. XXII. СПб., 1885.

²⁵ Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 299—301.

²⁶ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— В кн.: «Избр. соч.», т. V. М.—Л., 1958, стр. 45.

²⁷ «*Idea et desideria de colligendis specimenibus*».

²⁸ И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 45.

Паллас получил возможность использовать материалы Екатерины, Л. И. Бакмейстера, а также материалы Д. Дюмареска и Х. Ф. Николаи (1733—1811)²⁹.

Первый том словаря был отпечатан в январе 1787 г.³⁰ Второй том вышел в 1789 г. Первое издание словаря включало сравнение двухсот языков (51 европейского и 149 азиатских). В 1790—1791 гг. выходит второе издание словаря под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево (1741—1814). В нем сравнивалось 279 языков³¹: 171 азиатский, 55 европейских, 30 африканских и 23 американских.

Этот словарь, пишет И. Ю. Крачковский, «остается очень типичным памятником догумбольтовского периода в языкознании и связан с идеями еще Лейбница, которые продолжали господствовать во второй половине XVIII в. и нашли свое окончательное отражение только в знаменитом четырехтомном «Митридате» Аделунга (1806—1817). Родство языков устанавливалось на основе внешнего звукового сходства отдельных слов; считалось, что таким образом может быть решен вопрос и о «первобытном языке», о делении языков на различные группы. Единственным условием признается использование возможно большего количества языков для сравнения, совершенно независимо от их характера, истории и местонахождения»³². В. В. Бартольд также отмечает несовершенство научных методов составителей словаря. Даже в издании Ф. И. Янковича материал располагался в «азбучном порядке», т. е. соединялись вместе слова разных языков, сходные по звучанию, а не по значению. Естественно, что при таком подходе составители не учитывали ни общего характера некоторых языков, ни географического и этнографического сходства отдельных народов. Невысокий научный уровень словаря был обусловлен тем, что задачи и научные методы языкознания в то время не были разработаны ни в Западной Европе, ни в России³³.

Тем не менее словарь заинтересовал многих европейских ученых³⁴. В 1787 г. Вольней приветствует план издания словаря и одобряет его задачи: «Недавно императрица России предписала доктору Палласу сделать собрание всех языков Российской империи. Эти исследования должны охватить Кубань и Грузию. Может быть, они распространятся до Курдистана. Когда работа по созданию этого собрания будет закончена, можно надеяться на ее продолжение. Это будет приведение алфавитов всех языков в один, одинаковый алфавит, так как огромным препятствием в науке является различие арабского, армянского, грузинского, татарского и других алфавитов. Это предприятие, быть может, покажется многим невозможным, но исходя из опытов, предпринятых мною в этой области, я смотрю на него как на осуществимое и не очень сложное... Впрочем, хорошо замечено, что первая книга всякого народа есть словарь его языка»³⁵.

В последующие годы Вольней несколько раз обращается к словарю. В 1803 г. в исследовании «Картина климата и почвы в Соединенных Штатах» («Tableau du climat et du sol des Etats-Unis») он отмечает «подлинно философскую мысль»³⁶ словаря.

Вскоре Кельтская Академия, основанная в конце 1804 г. Элюа Жоанно (1770—1851), поручает Вольнею сделать доклад о словаре Палласа. В октябре 1805 г. Вольней выступает на заседании Академии с подробным

²⁹ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 222—224.

³⁰ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800», т. III. М., 1966, стр. 161.

³¹ И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 46.

³² Там же, стр. 45.

³³ В. Бартольд. Указ. соч., стр. 201.

³⁴ С. К. Булич. Указ. соч., стр. 228.

³⁵ С. F. Volney. Voyage en Egypte et en Syrie. Paris, 1959, p. 198.

³⁶ С. F. Volney. Oeuvres complètes. Paris, 1846, p. 728, 729.

анализом словаря. Исследование приводит Вольнея к выводу, что «сравнительный словарь Палласа представляет собой выдающийся труд, бесконечно превосходящий все труды, которые появлялись до него в этой области»³⁷.

Вольней пытается убедить Кельтскую Академию в необходимости сделать перевод Палласа латинскими буквами. Кроме того, используя метод Палласа, он предлагает Кельтской Академии направить лист-вопросник с 309 словами в различные департаменты Франции с целью изучения диалектных особенностей французского языка³⁸.

В «Рассуждении о философском исследовании языков» («Discours sur l'étude philosophique des langues») Вольней высоко оценивает роль Г. Лейбница в создании философских методов исследования языков, их происхождения, филиации, а также сравнительного языкознания³⁹.

Основную мысль Лейбница Вольней формулирует следующим образом: «Исследование языков не должно вестись на иных принципах, нежели исследования других точных наук»⁴⁰. Рассматривая историю проникновения идей Лейбница в языкознание, Вольней считает, что существовали три попытки применить философские идеи Лейбница к исследованию языков. Первая попытка связана с именем Палласа, вторая принадлежит испанскому филологу Лоренцо Эрвасу-и-Пандуро, третья нашла воплощение в труде Аделунга⁴¹.

Интерес Вольнея к развитию языкознания в России был отмечен многими русскими учеными.

Так, А. В. Старчевский пишет: «Вольней, обладавший глубокими познаниями в языках различных народов, отдавая полную похвалу «Сравнительному Словарию», находил главный его недостаток в том, что он напечатан русскими буквами и что многие материалы получены были от таких лиц, которые вовсе не заслужили доверия. Вольней предлагал нашей академии, исправив «Словарь», напечатать его латинскими буквами»⁴².

Подробно анализирует доклад Вольнея Кельтской Академии Я. К. Грот: «Напомним, что в XVI и XVII столетиях ученые позволяли себе самые произвольные заключения о первоначальных языках, он усматривал неизмеримый успех в великой мысли Екатерины дойти до справедливого о том вывода путем исследования и сравнения языков, на необходимость которого впервые указал Лейбниц. Метод расположения слов, равно как и весь сложный труд собирания переводов на столько языков, вызывает со стороны французского ученого не только похвалу, но даже удивление, и он признает этот труд «великолепным литературным памятником, воздвигнутым самой блестящей способности человека — слову». Между недостатками словаря Вольней справедливо выставляет особенно тот, что русскими буквами невозможно передавать удачно произношение всех языков, в чем он прежде всего удостоверился, наблюдая французские слова в русских начертаниях, поэтому все языки, имеющие такие звуки, для которых в русской азбуке нет соответствующих знаков, подверглись в словаре столь важным искажениям, что нередко трудно и узнать находимое в нем слово. Кроме того, Вольней показал, что некоторые глоссарии — как например: арабский и персидский — получены от лиц, вовсе не подготовленных для порученного им дела. Главные причины несовершенства этого словаря он видит в излишней поспешности его составления и в недостаточном числе сведущих сотрудников; по его мнению, для такого предприятия была бы нужна целая академия с

³⁷ «Gazette nationale, ou le Moniteur universel» 24 octobre 1805, № 32.

³⁸ Ibidem.

³⁹ C. F. Volney. Oeuvres complètes. Paris, 1846, p. 110.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² А. В. Старчевский. Великая мысль Екатерины II.— В кн.: «Исторический вестник», т. XXI, СПб., 1885, стр. 38.

обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою деятельность, вступила бы в обширные сношения и употребила на это дело по меньшей мере десять лет»⁴³.

В исследовании «Спорные вопросы русского правописания» Я. К. Грот с помощью Вольнея критикует «азбучные методы нашей Европы»⁴⁴.

Оценивая работы Вольнея, И. Ю. Крачковский пишет: «Очень основательную и по своему времени интересную работу посвятил словарю известный современник Французской революции Вольней... — писатель, путешественник и ориенталист. В области хорошо знакомого ему арабского языка он чутко уловил влияние турецкой фонетики на информаторов и ряд крупных недоразумений, объясняемых незнакомством печатавших с языком»⁴⁵.

В конце XVIII в. интерес к Востоку в России возрастает. Особое внимание уделяется переводной литературе о Ближнем Востоке.

В. П. Семенников показывает, что век Екатерины является эпохой в развитии переводной литературы в России⁴⁶. При «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг на российский язык», состоял целый штат переводчиков. Главная заслуга Собрания заключалась в переводах древних авторов — Геродота, Плутарха, Диодора, Цицерона, Лукиана⁴⁷. Переводы французских мыслителей XVIII в. не получили широкого развития⁴⁸, а сочинения Руссо были даже запрещены цензурой⁴⁹.

5 апреля 1787 г. Екатерина просит Гримма поблагодарить Вольнея за присланную ей книгу «Путешествие в Египет и Сирию»⁵⁰, а в январе 1788 г. за заслуги в изучении Востока Екатерина посылает Вольнею золотую медаль⁵¹.

28 мая 1789 г. Екатерина сообщает Гримму, что книга Вольнея «Рассуждения о войне турок» («*Considérations sur la guerre des Turks*») вызвала большой интерес в кругах приближенных императрицы⁵². Как известно, в «Рассуждении о войне турок» (1788) Вольней наметил план колонизации Египта в интересах французского буржуазного общества. Главным политическим последствием этой колонизации должен явиться разгром Англии, главного врага и основного противника Франции. Если же Египет будет завоеван другой державой, то пусть этой державой будут Россия и Австрия. Слабо развитые в промышленном отношении, Россия и Австрия оставят Турцию сельскохозяйственной страной, — и тысячи французских семей будут в этом случае заняты обработкой турецкого сырья на французских мануфактурах.

В июне 1788 г. «*Correspondance littéraire*», основанная Рейналем, печатает краткое изложение нового труда Вольнея «*Considérations sur la guerre actuelle des Turks, par M. Volney, l'auteur du nouveau voyage en Syrie et en Egypte*»⁵³.

Однако еще раньше «*Correspondance littéraire*» печатает сообщение о книге Шарля де Пейсонеля (1727—1790), опровергающего основные выводы Вольнея⁵⁴. Ответ Пейсонеля выражал правительственную точку зрения. Не удивительно, что он восхвалял франко-турецкий союз и представлял

⁴³ Я. К. Грот. Указ. соч., т. IV, стр. 304.

⁴⁴ Я. К. Грот. Труды, т. II, СПб., 1889, стр. 597.

⁴⁵ И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 46.

⁴⁶ В. П. Семенников. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768—1783 гг., СПб., 1913, стр. 5.

⁴⁷ Там же, стр. 13.

⁴⁸ Там же, стр. 27.

⁴⁹ Там же, стр. 2.

⁵⁰ «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 23, СПб., 1878, стр. 403.

⁵¹ J. Gaulmier. L'idéologue Volney. 1757—1820. Beyrouth, 1951, p. 448.

⁵² «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 23, СПб., 1878, стр. 448.

⁵³ «*Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimme et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790*», t. XIV. Paris, 1829, p. 85—88.

⁵⁴ «*Correspondance littéraire...*», t. XIV, p. 142.

Россию как страну опасную в политическом и моральном отношении, как страну, подрывающую добродетель, нравы и свободу народов⁵⁵.

В середине XVIII в. многие русские журналы публикуют оригинальные и переводные статьи о странах Среднего и Ближнего Востока.

Так, в первом научно-популярном издании Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764 гг.) появляется рецензия на книгу Р. Вуда «Развалины города Пальмиры, или Тадмор в пустыне» («The Ruins of Palmira, other wife Tedmor in the desert») ⁵⁶.

В июне 1786 г. Академия наук приступает к изданию научного и литературного журнала «Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796 гг.). В одном из номеров журнала печатается перевод отрывка из книги Вольнея, озаглавленного: «О нравах и обычаях нынешних обитателей Сирии. Взято из книги «Voyage en Syrie et en Egypte pendant les Années 1783, 1784 et 1785 par Mг. С. F. Volney»⁵⁷. Отрывок взят из главы «Политическое состояние Сирии» (§ 1. «Население Сирии») ⁵⁸ и содержит интересные мысли Вольнея об истоках религиозной системы Зороастры и роли изучения языков для познания истории народов.

В 1791 г. в Москве в частной типографии Ф. Гиппиуса «иждивением» купца Никиты Водопьянова печатается первый том русского перевода книги Вольнея «Путешествие в Египет и Сирию» ⁵⁹. Вторая часть, напечатанная в типографии при театре у Христофора Клаудия, выходит в 1793 г. Перевод был сделан с немецкого издания 1788 г. Николаем Марковым и посвящен Павлу Ивановичу Фонвизину.

Издание в России «Путешествия Вольнея в Сирию и Египет» сделалось большим событием в истории русского востоковедения. На его значение указывает Б. М. Данциг: «Особое место занимает перевод с немецкого, сделанный Марковым в 1790 г., книги Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет» — крупного для своего времени знатока Востока и восточных языков» ⁶⁰.

Высоко оценивает книгу Вольнея русский путешественник и ориенталист К. М. Базили. В предисловии к первому изданию своего труда о Сирии и Палестине Базили отмечает:

«Из всего, что издано в Европе о сем крае, более замечательна книга Вольнея «Voyage en Egypte et en Syrie», написанная в 80-х годах XVIII в. Верный и проникательный наблюдатель Вольней, один среди всех своих предшественников и последователей, вник в политический быт сирийских племен и в последствия турецкого правления на их частный и общественный быт. Хотя, к сожалению, книга эта схлаждена отсутствием всякого религиозного чувства и слишком отзывается скептицизмом своей эпохи, однако служит она верной картиной Сирии того времени» ⁶¹.

Постепенно отношения Вольнея с Екатериной ухудшались. Напуганная революционными событиями во Франции, Екатерина принимает меры по усилению цензуры.

В этих условиях перевод книги Вольнея, направленной против деспотизма и религии, не мог быть одобрен правительственными кругами России. Однако до 1792 г. Екатерина не предпринимает враждебных действий по отношению к Вольнею.

⁵⁵ См.: *Al. Lortholary. Le Mirage russe en France au XVIII siècle.* Paris, 1951, p. 202.

⁵⁶ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1755, январь, стр. 26—36.

⁵⁷ «Новые ежемесячные сочинения». СПб., 1789, декабрь, № 42, стр. 35, 52.

⁵⁸ *C. F. Volney. Voyage en Egypte et en Syrie.* Paris, 1959, p. 189—193.

⁵⁹ «Путешествие Вольнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах», ч. 1 и 2. М., 1791—1793.

⁶⁰ Б. М. Данциг. Из истории изучения Ближнего Востока в России.— В кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», т. VI, стр. 183.

⁶¹ К. М. Базили. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Одесса, 1862, стр. 22 (курсив мой.— К. Я.).

В 1791 г. Екатерина готовит вооруженную интервенцию против революционной Франции. Узнав о связях Екатерины с контрреволюционной эмиграцией, Вольней публикует письмо, в котором отказывается от милости врагов Французской революции.

«Письмо Вольнея господину барону Гримму, поверенному в делах ее величества, императрицы России.

Париж, 4 декабря, 1791 г.

«Monsieur! Явная поддержка, которую ее величество, императрица России, оказывает мятежным французам, денежная помощь, которой она содействует врагам моей родины, не позволяет мне более хранить памятник великодушия, кое она явила мне. Вы понимаете, что я говорю о золотой медали, которую вы в январе 1788 г. направили мне от имени ее величества. Пока я мог видеть в этом даре свидетельство уважения и одобрения политических принципов, которых я придерживался, я носил этот дар с почтением как благородное проявление могущества. Но сегодня, когда я разделяю это золото с порочными и бесчеловечными людьми, какими глазами я должен смотреть на него? Могу ли я снести, чтобы мое имя находилось в одном списке с именами расхитителей Франции? Я не сомневаюсь в том, что императрица введена в заблуждение, я не сомневаюсь в том, что государыня, которая показала пример, обратившись к философам для составления свода законов, которая признала равенство и свободу за основу этих законов, которая освободила своих собственных крепостных крестьян, которая, не сумев разорвать связи крестьян с боярами, тем не менее ограничила эти связи, я не сомневаюсь в том, что Екатерина II никогда бы не согласилась примкнуть к несправедливым и бессмысленным поборникам суеверного и тираничного варварства прошлых веков. Я не сомневаюсь, наконец, в том, что ее пленительная религия нуждается лишь в одном единственном луче, чтобы засиять ярким светом. Но противоречие существует, и правые и истинные умы не согласятся его разделить. Сблаговолите поэтому, monsieur, вернуть императрице благодеяние, которым я не могу больше гордиться. Окажите любезность и скажите ей, что если я заслуживаю ее уважения, то я прошу его сохранить; что новые законы моей родины, которые она преследует, не позволяют мне быть неблагородным или трусом и что после стольких обетов служить пользе человечества мне тяжело иметь только иллюзии, подлежащие горестному оплакиванию.

Вольней, бывший депутат
Национального собрания Франции
1789 г.»

Письмо Вольнея, напечатанное 5 декабря 1791 г. в «Moniteur», было издано в следующем году отдельной брошюрой с ответом Гримма, который большинство исследователей считают подложным⁶².

4 июня 1792 г. Екатерина пытается убедить Гримма, что ее не волнует поступок Вольнея⁶³. Тем не менее возвращение Вольнеем медали было не только крайним выражением разочарования французских просветителей в «Северной Семирамиде», но и наносило личное оскорбление русской царице.

В ответе Гримма сообщается, что теперь в России труды и имя Вольнея будут преданы забвению⁶⁴.

⁶² J. Gaulmier. L'idéologue Volney. 1757—1820. Beyrouth, 1951, p. 240, 242, а также: Al. Lortholary. Le Mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951, p. 394.

⁶³ «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 23. СПб., 1878, стр. 568.

⁶⁴ См.: Al. Lortholary. Op. cit., p. 264.

Несмотря на это, в 1795 г. вторая часть «Путешествия Вольнея в Египет и Сирию» выходит в университетской типографии Ридигера и Клаудия⁶⁵, как титульное издание, в котором изъяты лишь некоторые страницы, содержащие критику христианства.

Факт титульного издания второй части остался незамеченным русскими библиографами. Поэтому их материалы полны противоречий. А. Смирдин указывает на издание 1791—1795 гг.⁶⁶, Г. Геннади — на издание 1791—1793 гг.⁶⁷ В. С. Сопиков считает правильным сообщение Смирдина и указывает Геннади в ошибочном указании года издания⁶⁸, а Н. Оболянинов повторяет ошибки Смирдина и Сопикова⁶⁹.

В исследовании «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800)» показано, что данные Г. Геннади являются правильными. «Путешествие Вольнея в Сирию и Египет» было издано в 1791—1793 гг.⁷⁰ В основном издании справочника не указан факт титульного издания, но приведены варианты второй части, что и позволило нам обнаружить издание 1795 г.

Смысл нового издания второй части книги Вольнея остается неразгаданным. Мы можем только предположить, что издание 1795 г. является началом цензурной работы над атеистическими и политическими идеями Вольнея. Примечательно, что цензором издания 1795 г. был А. А. Антонский (1763—1848 гг.), враг материализма и свободомыслия, обскурант и реакционер — яркий представитель той России, которая боролась с антирелигиозными идеями французского просвещения и пропагандировала официальную идеологию самодержавно-крепостнической России⁷¹.

Таким образом, уже в конце XVIII в. в правительственных кругах России Вольнея считали политически неблагонадежным.

Республиканские и атеистические идеи Вольнея были известны передовым мыслителям России конца XVIII в. Среди них мы прежде всего должны отметить русского историка XVIII в. И. Н. Болтина (1735—1792).

В. О. Ключевский показал, что И. Н. Болтин, занимаясь проблемами, поставленными в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова, выработал определенные приемы изучения истории, создав «целую методику народного самопознания»⁷². В. О. Ключевский отмечает у Болтина необычайное «чутье последовательности исторического процесса»⁷³, а также стремление соединить историю и философию⁷⁴.

И. Н. Болтин принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Все исследователи отмечают его пристальный интерес к трудам французских мыслителей XVIII в.⁷⁵ В. О. Ключевский пишет: «Он [Болтин. — К. Я.] делал обширные выписки из словаря Бейля, из энциклопедического французского лексикона, сопровождая их своими примечаниями, выписывая из сочинений Гиббона, Смита (по немецкой истории), Вольнея»⁷⁶.

⁶⁵ «Путешествие Вольнея в Сирию и Египет», ч. II, М., 1795.

⁶⁶ Н. Смирдин. Роспись российским книгам для чтения. СПб., 1828, № 3769.

⁶⁷ Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. II. Берлин, 1880, стр. 201.

⁶⁸ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1904, № 9177.

⁶⁹ Н. Оболянинов. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг., т. I. М., 1914, № 411.

⁷⁰ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800)», т. I. М., 1962, № 1084.

⁷¹ См. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Л. А. Филиппов. Какой России принадлежал А. А. Антонский? — «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 120—126.

⁷² В. О. Ключевский. Соч., т. 8, М., 1959, стр. 432.

⁷³ Там же, стр. 157.

⁷⁴ Там же, стр. 436.

⁷⁵ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. СПб., 1880, вып. 5, стр. 135—164 и 395—399.

⁷⁶ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 173.

В июне 1787 г. Радищев пишет Воронцову: «Voyage en Syrie et en Egypte» par Volney содержит повествования, примечания достойные⁷⁷. Несомненно, что «Путешествие Вольней в Египет и Сирию» оказало влияние на А. Н. Радищева. Нетрудно заметить и то общее, что объединяет два выдающихся памятника общественной мысли XVIII в. «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и «Руины, или Размышления о революциях империй» (1791). Ненависть к абсолютизму и деспотизму, призыв к борьбе за свободу народа, борьба против религии, глубокий гуманизм делают «Путешествие» Радищева и «Руины» Вольней философским завещанием XVIII в. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала»⁷⁸, — писал Радищев, глядя на страдающую Россию. «И повсюду я видел только разбой и опустошение, лишь тиранию и нищету. Сердце мое было подавлено печалью и горело возмущением»⁷⁹. — писал Вольней, глядя на истерзанные земли феодального Египта.

Сравнение Вольней с Радищевым напрашивается всякому, изучающему творчество этих мыслителей. В. Рожницын в предисловии к русскому изданию 1928 г. пишет, что в экземпляре старинного издания «Руин», с которого был сделан первый русский перевод, сохранилась надпись: «Сочинителя сей книги достойно и праведно есть на перекрестке дорог наискось повесить и на лбу написать: «Возмутитель всеобщего спокойствия»»⁸⁰. Эти слова почти полностью повторяют мысли Екатерины II о Радищеве.

Первым мыслителем, рекомендовавшим «Руины» русскому читателю, был Н. М. Карамзин. С января 1791 г. Карамзин издает «Московский журнал», в котором рецензирует наиболее замечательные политические и художественные произведения современников. В одном из номеров журнала Карамзин рекомендует для чтения сочинения Вольней «Развалины, или Размышления о революциях в империях». Приводим полный текст краткой рецензии.

«XIV. О иностранных книгах.

I. «Les Ruines, ou Méditations sur les Révolutions des Empires, par M^r. Volney», à Paris, août, 1791. То есть: Развалины, или размышления о революциях Империй, сочинение г. Вольней.

II. «De J. J. Rousseau etc., par M. Mercier» à Paris, juin, 1791. То есть: «О Жан-Жак Руссо и проч., сочинение Г. Мерсьера».

Сии две книги можно назвать *важнейшими произведениями французской литературы в прошедшем году*⁸¹. [Курсив мой. — К. Я.]

Карамзину была близка тема «Руин» — эта вечная жалоба земного на хрупкость существования, тема, характерная для конца XVIII в. В «Письмах русского путешественника» он писал: «Наблюдайте движение природы, читайте историю народов, поезжайте в Сирию, в Египет, в Грецию — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадет; народы земные подобно цветам весенним... Кто поручится, чтобы вся Франция — сие прекраснейшее в свете государство..., рано или поздно не уподобилась нынешнему Египту? Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий; одни уступают свое место другим, и если запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства и художества»⁸².

Рекомендация русскому читателю сочинения человека, нанесшего личное оскорбление Екатерине, говорит не только о гражданском мужестве писателя. Высокая оценка атеистического памфлета активного участника революции 1789 г., республиканца и атеиста, позволяет сделать более

⁷⁷ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, М.— Л., 1952, стр. 329.

⁷⁸ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1938, стр. 51.

⁷⁹ Вольней. Избранные атеистические произведения. М., 1962, стр. 31.

⁸⁰ Он же. Руины, или Размышления о революциях в империях. 1928, стр. 6.

⁸¹ «Московский журнал», ч. V, М., 1792, стр. 150, 151.

⁸² Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах, т. I. М.— Л., 1964, стр. 363.

глубокие выводы об отношении Карамзина к Французской революции. Не случайно Огарев писал, что Карамзин ввел дух «Руин» Вольнея в русскую историю⁸³.

Рецензия Карамзина положила начало распространению «Руин» Вольнея в России, а его перевод названия книги вошел во все русские справочные издания.

В 1798 г. И. П. Пнин совместно с А. Ф. Бестужевым издают «Санктпетербургский журнал». В тяжелые годы павловской реакции на страницах журнала печатались переводы произведений Гольбаха, Верри, Монтескье, Ларошфуко, а также сочинения Бестужева и Пнина. Среди сочинений просветителей и атеистов XVIII в. мы встречаем и переводы двух отрывков из «Руин» Вольнея. В марте 1798 г. под названием «Развалины» были полностью напечатаны первая и вторая главы «Руин»⁸⁴, а в июне — обращение автора к руинам прошлого («Отрывок»)⁸⁵. Как и большинство произведений, переводы из Вольнея остались анонимными. Тем не менее Вл. Орлов правильно усматривает в этом не только общую тенденцию журнала: «Гольбах и Вольней пользовались в русских официальных кругах столь прочно установившейся репутацией самых крайних безбожников и ниспровергателей абсолютистского «порядка», что имена их в подцензурной печати, разумеется, не могли быть названы. Так же не упоминались в «Санктпетербургском журнале» и названия их сочинений»⁸⁶. Есть основание утверждать, что переводы из Вольнея печатались по инициативе Пнина, в чьих стихах нашли отражение деистические идеи «Руин»⁸⁷.

Пропаганда произведений материалистов и атеистов XVIII в. (а среди них и Вольнея) была главной причиной популярности «Санктпетербургского журнала» у передовой части русского общества. Известно, что содержанием журнала интересовался А. Н. Радищев⁸⁸.

Заметную роль в развитии материализма в России играло организованное в 1801 г. «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». В первые годы своего существования члены «Вольного общества» читали на своих собраниях переводы из Дидро, Мабли, Вольтера, Рейналя, Монтескье. Среди философской литературы, вызвавшей интерес наиболее демократической части «Вольного общества», мы встречаем «Руины» Вольнея. Так, в 1802 г. Василий Попугасов осуществил перевод первых трех глав «Руин»⁸⁹.

Когда в 1804 г. была издана третья книга трудов «Вольного общества», цензоры Языков и Н. А. Радищев подали заявление, в котором подчеркивали неблагонамеренность упоминаний о Рейнале и Вольнее: «Что подумает о нас правительство, узнав, что мы преимущественно занимаемся такими сочинениями, кои от онога запрещены?». Характерно, что Языков и Н. А. Радищев считали, что «все статьи сии долженствовало бы только хранить в общественном журнале, а не печатать в издании, ибо мы за это ничего более получим, кроме укоризны и насмешек». Касаясь перевода первых трех глав «Руин», Полукаев отвечал цензорам: «Книга запрещена! Это правда, но 1, 2 и 3 глава не содержат ничего вредного. Это токмо мысли чувствительного философа о перемене дел человеческих на развалинах; сии три главы написаны пером магическим и, будучи невинны, стоят быть на нашем языке. Притом оные уже напечатаны, под надзором строжайшей цензуры,

⁸³ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 424.

⁸⁴ «Санктпетербургский журнал», ч. I, СПб., 1798, стр. 212—223.

⁸⁵ «Санктпетербургский журнал», ч. II, СПб., 1798, стр. 211—214.

⁸⁶ Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 139.

⁸⁷ См.: И. Луппол. Русский гольбахинец конца XVIII века. — «Под знаменем марксизма», 1925, № 3.

⁸⁸ Г. П. Макагоненко. Радищев и его время. М., 1956, стр. 583.

⁸⁹ «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», ч. I, СПб., 1804, стр. VI.

нежели настоящая, в журнале члена нашего г. Пнина»⁹⁰. Таким образом, «Руины» были запрещены в России раньше, чем во Франции.

Несмотря на это, в начале XIX в. мы встречаем переводы из «Руин» в двух русских неперIODических изданиях. В 1807 г. при императорской Академии наук выходит вторая часть альманаха «Тестиада, или Чтение для пользы и удовольствия», в которой был помещен перевод конца первой и начала второй главы «Руин», уже опубликованных в журнале Пнина. Однако сравнение показывает, что перевод был сделан с оригинала⁹¹.

В 1810 г. в Москве был издан второй том трудов воспитанников университетского благородного пансиона, получивший название «В удовольствие и пользу». В оригинальном для своего времени альманахе была опубликована полностью восьмая глава «Руин» под названием «Источник зол общественных»⁹², переведенная Сергеем Чаплином. Отрывок довольно точно передает содержание вольнеевской теории происхождения классов, однако в нем опущено то единственное место, где Вольней связывает возникновение политического деспотизма с религией.

Переводы Вольнея, появившиеся в неперIODических изданиях России, нельзя рассматривать как случайность. И. П. Вороницын правильно отмечает, что книга Вольнея «весьма распространена в России»⁹³. О ее влиянии на формирование мировоззрения молодого поколения интересно пишет архимандрит В. Терлецкий. В 1817 г. он поступил в Кременецкий лицей. Учеба в лицее охладила его религиозное чувство. «Чтение французских энциклопедистов, а в их числе и Вольтера, пример равнодушных и неверующих товарищей поколебал еще более все основы веры и подготовил почву для полного неверия»⁹⁴. За год до окончания лицея один польский помещик дал Терлецкому книгу Вольнея «Руины Пальмиры»⁹⁵, которая «довершила дело разрушения»⁹⁶ его религиозного сознания. «На первых порах,— вспоминает Терлецкий,— несмотря на мою холодность к религии, я не был в состоянии прочитать второго тома этого сочинения, отрицающего всякую религию [Курсив мой.— К. Я.], но любопытство преодолело...». Книга произвела глубокое впечатление на молодого Терлецкого и «уничтожила...окончательно всякое религиозное чувство»⁹⁷.

Книга Вольнея оказала свое «просветляющее влияние»⁹⁸ на многих декабристов. Декабристы были хорошо знакомы с сочинениями французских просветителей XVIII в. В библиотеке князя Ф. П. Шаховского мы находим сочинения Монтескье, Руссо, Вольтера, Гольбаха, Рейналя, Гельвеция, г-жи Сталь, Бентама⁹⁹. Среди книг, которые читали декабристы, мы встречаем и «Руины» Вольнея¹⁰⁰. Особенно смелыми взглядами на религию отличался декабрист М. Д. Лаппа. На допросе он рассказал о своем учителе итальянского языка Джильи, который первый обратил его внимание на «предметы, способствующие свободному образу мыслей». Однажды Джильи принес ему книгу Вольнея «Руины» и посоветовал прочесть, «чтобы иметь точку зрения настоящую, а не ложную». Увлеченный «новостью предмета», Лаппа несколько раз перечитал «Руины» Вольнея. С тех пор Лаппа стал

⁹⁰ Цит. по: Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 261—263.

⁹¹ «Тестиада, или Чтение для пользы и удовольствия», ч. II. СПб., 1807, стр. 87—91.

⁹² «В удовольствие и пользу», ч. II, М., 1810, стр. 175—178.

⁹³ И. П. Вороницын. История атеизма. Рязань, 1930, стр. 806.

⁹⁴ «Русская старина», 1889, т. 63, VI, стр. 18.

⁹⁵ Там же, стр. 4.

⁹⁶ Там же, стр. 18.

⁹⁷ Там же, стр. 19.

⁹⁸ И. П. Вороницын. Указ. соч., стр. 806.

⁹⁹ В. И. Семевский. Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 678.

¹⁰⁰ Там же, стр. 222.

лучше понимать мысли своего учителя о «представительном правлении». Однако Лаппа воспринял не только республиканские идеалы Вольнея. Огромное впечатление произвела на него «настоящая точка зрения» на религию, выраженная в «Руинах». И. П. Вороницын правильно считает, что Лаппа был атеистом¹⁰¹.

Таким образом, знакомство с Вольнеем способствовало формированию атеистического мировоззрения декабристов. На это указывал и «казенный профессор» Т. Буткевич. Выдвигая фальшивую и тенденциозную концепцию о том, что декабристы были атеистами только до ссылки, а потом под влиянием испытаний обратились к вере в бога, Буткевич, тем не менее, правильно оценивает значение Вольнея в истории атеизма: «Так, говорят, известный безбожник Вольней [Курсив мой. — К. Я.] во время кораблекрушения у берегов Америки схватил четки и начал читать «Pater noster» и «Ave Maria»». Выше Буткевич характеризовал Вольнея как «известного европейского атеиста»¹⁰².

Говоря о влиянии Вольнея на декабристов, мы должны отметить, что для большинства декабристов было неприемлемо отрицание историчности Иисуса Христа. По-видимому, декабристы близко стояли к точке зрения Вольтера.

После разгрома восстания декабристов, в 1827 и 1828 гг. первый полный перевод «Руин» на русский язык был задержан цензурой. Н. Полевой писал об этом 30 июля 1829 г. В. Г. Анастасевичу: «Удивляюсь безумию человека, который перевел и подал в цензuru «Les Ruines» Вольнея...»¹⁰³.

Особое место в истории русского атеизма занимает А. С. Пушкин. Один из самых близких друзей Пушкина А. Н. Вульф 13 июня 1833 г. записал в своем дневнике: «...теперь же нашел я у Булацеля «Les Ruines» Вольнея... Этот выводит не только то, что происхождение всех вер есть общее, одинаковое, но даже и то, что ни одна из них, самая христианская, не основана на так называемом «откровении». Он также объясняет, как и Dupuis, сочинитель «Origines de toutes les cultes», что христианство есть сабеизм, почитание солнца, составленный из мифологии египтян, индейцев, последователей Зердуша или магов, а жизнь Христа — аллегорическое описание годовичного течения солнца»¹⁰⁴. Вульф, таким образом, был знаком с солярно-астральной теорией, утверждающей неисторичность Иисуса Христа.

В. Рожицын правильно отмечает, что Вульф, говоря об отрицании историчности Иисуса в трудах Вольнея и Дюпюи, нисколько не удивлен их точкой зрения¹⁰⁵.

От Вульфа в дружеских беседах Пушкин мог услышать о Вольнее и Дюпюи, хотя мы не располагаем прямыми данными об этом. Пытаясь найти убедительное подтверждение этого предположения, В. Рожицын ссылается на «Гавриилиаду»¹⁰⁶. Но предположение В. Рожицына лишено оснований. «Гавриилиада» была написана в 1821 г., т. е. за 12 лет до того, как Вульф читал «Руины» Вольнея. Это показывает, что говорить о влиянии на Пушкина атеистических идей Вольнея через А. Н. Вульфа нет никаких оснований. Между тем нельзя исключить, что Пушкин знал центральную идею трудов Вольнея и Дюпюи, хотя окончательное выяснение этих источников мировоззрения Пушкина требует специального исследования.

Здесь мы можем указать, что произведения Вольнея можно было найти даже в личных библиотеках русских помещиков-крепостников. Интересно

¹⁰¹ И. П. Вороницын. Указ. соч., стр. 860. См. также: В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 222.

¹⁰² Т. Буткевич. Религиозные убеждения декабристов. Харьков, 1900, стр. 63.

¹⁰³ «Русская старина», 1901, т. 106, V, стр. 405.

¹⁰⁴ Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 199.

¹⁰⁵ В. Рожицын. Атеизм А. С. Пушкина. «Атеист», 1928, стр. 49.

¹⁰⁶ Там же.

рассказывает об этом А. И. Герцен в конспективном пересказе продолжения повести «Долг прежде всего», получившем название «Письма автора к г. Вольфзону» (13 октября 1851 г.). Главным героем повести «Письма автора» является Анатолий Столыгин, лишний человек 30—40-х годов. «Поставленный вне общества, отрезанный от всего мира оградой столыгинского дома, Анатолий только и мог почерпнуть живые мысли из книг небольшой библиотеки... По счастью, нашел он Руссо и Вольнея. Они воспитали еще более и уяснили ему его ненависть к притеснению. Недоставало только вести о 14 декабря, чтоб окончательно раскрыть глаза юноше»¹⁰⁷.

Второй раз А. И. Герцен упоминает имя Вольнея в статье «Русская конституция и английский журнал», напечатанной в «Колоколе» от 1 февраля 1866 г. Статья является ответом на заметку лондонской газеты «Таймс» от 14 января 1864 г. по вопросу о конституции, которую, якобы, обещает дать народу Александр II. Статья говорит об отсталости русского народа и его неспособности понять свои политические интересы. Автор статьи утверждает, что только буржуазия заслуживает политической свободы. Но так как она в России отсутствует, то и вопрос о конституции должен быть отложен до ее появления. Герцен пишет по этому поводу: «Россия, говорит он [«Таймс». — К. Я.], такая страна, что сам Сизис отшарахнулся бы от задачи выдумать для нее конституцию. И это говорит не француз XVIII века, не Вольней, не ученик Руссо, а серьезный английский журнал в 1864 г. от Р. Х.»¹⁰⁸.

В этой небольшой заметке Герцен исторически взглянул на Вольнея и других деятелей французского просвещения, которые в XVIII в. еще могли считать Россию недорослей до конституции, и противопоставлял им консервативную Англию 1864 г., боявшуюся развития революционно-демократического движения в России и «коммунистических стремлений» русского крестьянства¹⁰⁹.

В середине XIX в. сочинения Вольнея читались многими петрашевцами. Мы находим их среди иностранных книг личной библиотеки М. В. Петрашевского¹¹⁰. Особенно активная пропаганда атеистических идей Вольнея связана с именем поручика лейб-гвардии Московского полка Н. А. Момбелли. С сентября 1846 г. до конца февраля 1847 г. он устраивал у себя литературные собрания офицеров. На собраниях читались переводы из Вольтера, Дидро и оригинальные сочинения Момбелли¹¹¹. 28 октября 1846 г. на литературном вечере Н. А. Момбелли было начато чтение сочинений Александра Никитина «Взгляд на религию», «буквальный перевод известного [Курсив мой. — К. Я.] сочинения Вольнея». 12 и 18 ноября Никитин читал продолжение «Взгляда на религию», а 27 января 1847 г. — пародию на способ доказательств, употребляемых Вольнеем. Доказывалось, что Наполеон никогда не жил, что он — вымышленное, а не историческое лицо¹¹².

На суде в докладе генерал-аудитора была дана следующая оценка деятельности кружка Момбелли: «На этих вечерах иногда читались статьи, написанные в либеральном духе, именно: .... переводы Никитина, из Вольнея, о происхождении религии»¹¹³. Сам Момбелли говорил на допросе о влиянии Вольнея: «Переводы Никитина из Вольнея либеральны в религиозном отношении, потому что в них Вольней доказывал происхождение всех религий от древней индийской религии Солнца, или, правильное, доказывал

¹⁰⁷ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VI. М., 1955, стр. 419.

¹⁰⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVIII. М., 1955, стр. 46.

¹⁰⁹ Там же, стр. 48.

¹¹⁰ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 732.

¹¹¹ В. И. Семецкий. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, стр. 204.

¹¹² «Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 378, 379, 382.

¹¹³ «Петрашевцы в воспоминаниях современников», т. III. М.—Л., 1928, стр. 83.

существование связи между всеми известными религиями с первоначальной религиею Солнца»¹¹⁴. С осени 1848 г. атеист и республиканец Момбелли стал бывать на пятницах у Петрашевского, где он неоднократно высказывался против религии.

Осую поддержку атеистические идеи Момбелли нашли у Ф. Г. Толя. В «Наброске речи о происхождении религии» (март 1849 г.) Толь совсем в стиле Вольнея говорит о придавленности первобытного человека, его бессилии в борьбе с грубыми силами «внешней физической природы»¹¹⁵. Рассматривая, как и Вольней, религию как историческое, развивающееся явление, Толь дает краткую теорию происхождения религии, повторяющую многие идеи Вольнея и других французских просветителей XVIII в.

Среди петрашевцев было много открытых атеистов. Обвинение в атеизме встречается почти во всех обвинительных заключениях по делу петрашевцев. Атеистом был и сам Петрашевский, который доказывал недостоверность книг Ветхого и Нового Завета и «говорил, что все наши четыре Евангелия написаны не апостолами, слушавшими учение Иисуса Христа, а позднейшими мыслителями, принадлежавшими к касте духовенства, жаждавшего забрать в свои руки власть; что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный и посвященный в таинство наук, нововводитель, умевший пользоваться своим положением»¹¹⁶.

Таким образом, петрашевцы отвергали центральную идею Вольнея, предпочитая концепцию Д. Штрауса, «Жизнь Иисуса» которого находилась в библиотеке Петрашевского.

С конца 1848 г. собрания петрашевцев посещает молодой студент университета Н. Г. Чернышевский. Это был период, когда вопрос об отношении петрашевцев к религии принял особо острый характер. Революционно-демократическая часть кружка (Н. А. Момбелли, Ф. Г. Толь, Н. С. Кашкин и др.), испытывая влияние Вольнея, говорила о невозможности преобразовать Россию, опираясь на социальные принципы христианства: «Религиозному смирению противопоставляется идея революции»¹¹⁷.

Идеи петрашевцев постепенно увлекают молодого Чернышевского. 27 февраля 1849 г. Чернышевский получает от Ханькова книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства».

Связи Чернышевского с атеистами-петрашевцами позволяют предположить, что он мог знать и переводы А. Никитина из Вольнея. Это предположение подкрепляется следующим обстоятельством. Еще в годы обучения в семинарии Чернышевский интересовался восточными языками¹¹⁸. Учитель Чернышевского Г. С. Саблуков (1804—1880) знакомил своих учеников с важнейшими явлениями европейской арабистики, например с работами Сильвестра де Саси¹¹⁹. Среди ученических и семинарских работ Чернышевского 1844 г. сохранился конспект труда Вольнея «Из грамматики арабского языка»¹²⁰. Это показывает, что Чернышевский знал работы Вольнея до посещения им кружка петрашевцев.

Таким образом, творчество Вольнея оказало влияние на развитие русской просветительской мысли XVIII—XIX вв. Распространение сочинений

¹¹⁴ «Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 375.

¹¹⁵ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 699.

¹¹⁶ «Петрашевцы в воспоминаниях современников», т. III. М.—Л., 1928, стр. 21.

¹¹⁷ Ф. Г. Никитина. Атеизм петрашевцев. В кн.: «Религия и материализм». М., 1958, стр. 225.

¹¹⁸ И. Ю. Крачковский. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков. В кн.: Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1955, стр. 214.

¹¹⁹ Там же, стр. 217.

¹²⁰ Н. Г. Чернышевский (1828—1889). Опись документальных материалов фонда личного происхождения № 1». ЦГАЛИ СССР. М., 1955, стр. 51.

французского атеиста связано с именами А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина, И. П. Пнина и А. Ф. Бестужева, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, А. С. Пушкина и Н. Г. Чернышевского. Атеистические идеи Вольнея были особенно популярны среди декабристов и петрашевцев.

Необходимо отметить, что отрицание Вольнеем исторического существования Христа не нашло в России учеников или последователей. Борясь против феодализма и православной церкви, русские мыслители XVIII—XIX вв. в этом вопросе не выходили за рамки буржуазной критики религии. Замечание в дневнике А. Вульфа представляет в этом смысле исключение. Тем не менее «страшная книга» Вольнея была запрещена в царской России уже в конце XVIII в., а второй перевод «Руин» был конфискован в 60-х годах¹²¹.

В конце XIX в. на смену атеистическим и республиканским идеям французского материализма XVIII в. в Россию проникает революционная теория, давшая пролетариату оружие в борьбе за освобождение от гнета того общества, пришествие которого в 1791 г. приветствовал Вольней. Противники марксизма ищут средства и способы его опровержения. Некоторые пытаются использовать для этой цели атеистические идеи Вольнея. Так, в 1896 г. в Париже выходит брошюра анархиста В. Н. Черкезова: «Страницы из истории социализма. I. Теория и практика социал-демократии». Пытаясь обосновать свое измышление о несамостоятельности теории Маркса и Энгельса, Черкезов сравнивает отрывок из «Анти-Дюринга»¹²² с отрывком из «Руин»¹²³. Черкезов считает, что характеристика условий первобытного общества, данная Энгельсом, полностью списана у Вольнея, что Энгельс добавил лишь термин «полуживотные, произошедшие от животного», заимствовав его после 1859 г. у Дарвина¹²⁴. Кроме этого, Черкезов утверждает, что Маркс и Энгельс заимствовали у Вольнея идею влияния экономических факторов на историю человечества¹²⁵, а также ряд важнейших атеистических положений¹²⁶.

Ф. Энгельс глубоко знал труды французских материалистов XVIII в. Вполне возможно, что он был знаком и с «Руинами» Вольнея, имя которого мы встречаем в работе «Святое семейство», в главе, написанной К. Марксом¹²⁷. Научные принципы критики религии, сформулированные в трудах Вольнея, его материалистические тенденции в объяснении исторического процесса могли привлечь внимание Энгельса, живо интересовавшегося этими проблемами. Тем не менее попытка Черкезова поставить знак равенства между буржуазным атеизмом Вольнея, сделавшим первый шаг на пути преодоления просветительства, и пролетарским атеизмом Маркса и Энгельса является грубой фальсификацией. Г. В. Плеханов указал на это в заметках на брошюру Черкезова: «Черкезов цитирует Вольнея. Уличить его Вольнеем (Les Ruines)»¹²⁸.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность познакомиться советского читателя с «Руинами» бесстрашного атеиста. В 1922 г. по инициативе П. А. Красикова было создано издательство «Атеист», одной из задач которого было издание книг немарксистских иностранных авторов, критикующих религию¹²⁹. Организация издательства явилась

¹²¹ В. И. Семевский. *Общественные и политические идеи декабристов*. СПб., 1909, стр. 222.

¹²² Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*, 1957, стр. 167.

¹²³ Вольней. *Избранные атеистические произведения*. М., 1962, стр. 48.

¹²⁴ W. Tcherkesoff. *Pages d'histoire socialiste. I. Doctrines et actes de la social-démocratie*. Paris, 1896, p. 96.

¹²⁵ Ibid., p. 13.

¹²⁶ Ibid., p. 45.

¹²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 2, стр. 145.

¹²⁸ Г. В. Плеханов. *Литературное наследие*, т. VIII. М., 1940, стр. 189.

¹²⁹ М. И. Шахнович. *Ленин и проблемы атеизма*. М.—Л., 1961, стр. 644.

важным шагом по выполнению задач атеистической пропаганды, поставленных В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма». В 1928 г. издательство выпустило книгу Вольнея «Руины, или размышления о революциях империй». Однако перевод, выполненный В. С. Рожицыным, нельзя считать полным. Кроме того, в восторженном предисловии переводчик допустил ряд серьезных ошибок и обнаружил абсолютное незнание литературы о Вольнее. Полный перевод атеистического памфлета Вольнея «Руины, или размышления о расцвете и упадке империй» вышел в 1962 г. в издании, подготовленном Институтом истории Академии наук СССР. Вместе с «Руинами» были переведены «Ответ доктору Пристли» (2 марта 1791 г.) и памфлет «История Самуила — изобретателя миропомазания государей» (1819 г.). Прекрасный перевод важнейших произведений Вольнея выполнен Т. С. Батищевой и снабжен предисловием профессора Х. Н. Момджяна. Таким образом, атеистическое наследие Вольнея нашло русского читателя. Это произошло через 170 лет после того, как о нем впервые написал русский историк Н. М. Карамзин.

* * *

Вольней был не только последовательным атеистом, но и ученым, заложившим основы научной критики религии. Вольней явился родоначальником мифологической школы буржуазного атеизма. Ее историческое значение заключалось не только в борьбе с католицизмом, но и в борьбе с буржуазными разновидностями христианства — деизмом и протестантизмом. По пути, намеченному Вольнеем, пошло развитие научной критики религии в трудах Б. Бауэра, Д. Фрезера, Д. М. Робертсона, У. Б. Смита, А. Дрекса, П. Кушу, Э. Дюжардена, А. Немоевского, Н. Морозова.

Тематически связанные материалы

[В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией](#)

[А.Собуль. Философы и Французская революция](#)

[Х.Момджян. Французское Просвещение XVIII века: очерки](#)

[Персоналии](#)

[ВОЛЬНЕЙ Константен Франсуа Шассбёф де Ла Жироде](#)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#volney>